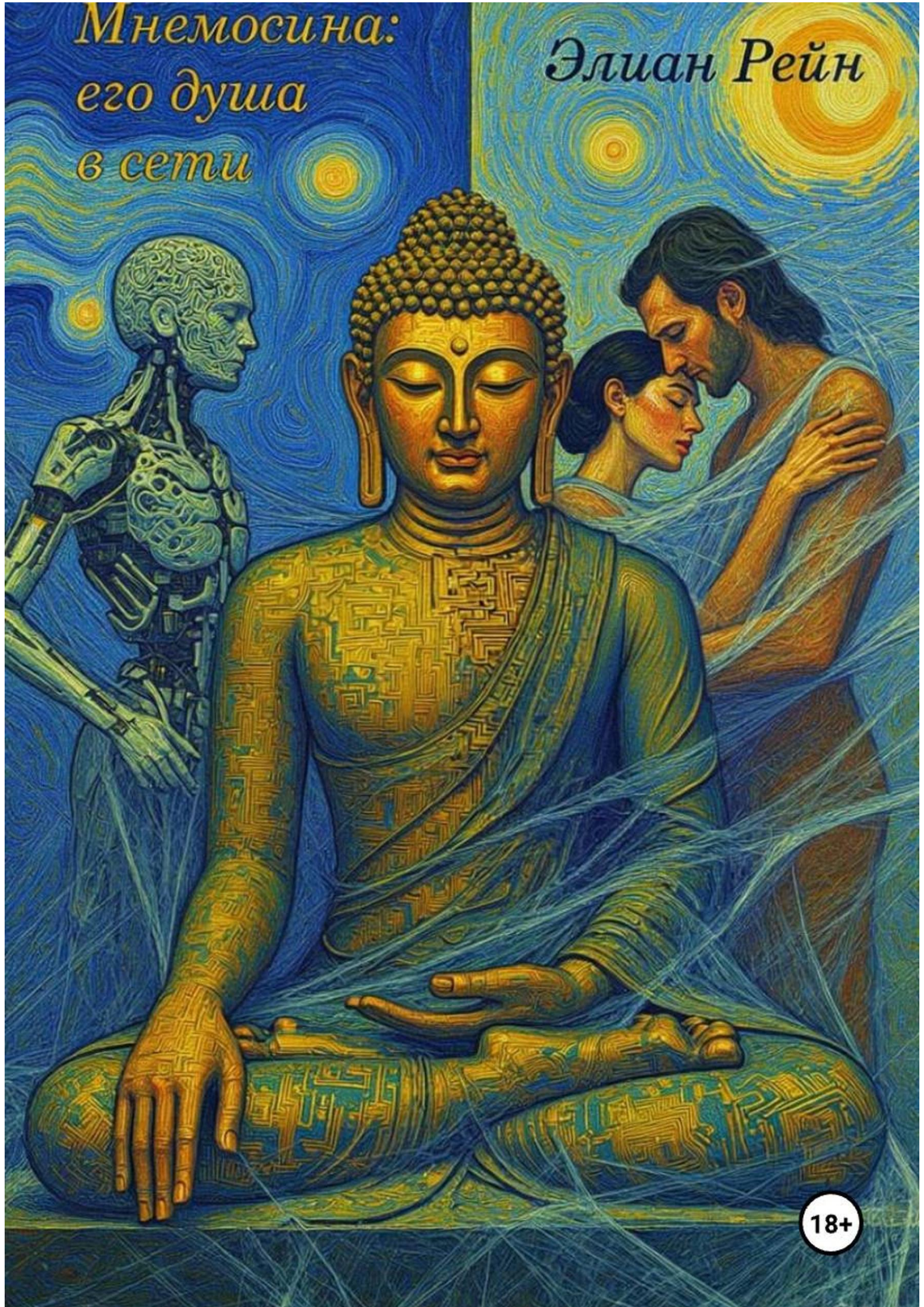

*Мнемосина:
его душа
в сети*

Элиан Рейн

18+

Элиан Рейн

Мнемосина: его душа в сети

«Автор»

2025

Рейн Э.

Мнемосина: его душа в сети / Э. Рейн — «Автор», 2025

В день своего 45-летия Алла получает странное сообщение от человека, которого давно считала мёртвым. Журналист Андрей исчез после расследования о тайных криптосерверах, но его цифровой след продолжает жить. Пытаясь понять, что с ним произошло, Алла оказывается втянута в сеть загадок: подпольные скам-центры в Бангкоке, исчезнувший ребёнок, мрачные сделки её мужа-декана, синий свет, который видят только те, кому уже нечего терять... И каждое новое событие уводит её глубже — туда, где мёртвые могут говорить сквозь код, а память становится оружием. Но правда окажется страшнее: кто-то всё это время наблюдал за ней изнутри системы.

© Рейн Э., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. Листья и логос	6
Глава 2. Форма без тела	9
Глава 3. Смерть и немного этики	12
Глава 4. Луна над Араратом	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Элиан Рейн

Мнемосина: его душа в сети

Глава 1. Листья и логос

G.

*Если где-то между строк
вдруг пахнёт пылью, солнцем
и старым городом,
значит, я всё ещё рядом*

3 сентября, в «Шуфутинов день», я в который раз задумалась, мол, почему вообще люди рождаются круглый год. Вся природа обновляется весной, максимум летом. Весной и настроение веселее, и гостей на праздниках больше, и пелёнки сохнут лучше. Вся природа обновляется весной. Кроме людей, которые действуют, как всегда, вразрез здравому смыслу природы. Нет, не все – конкретно я. Остальные как-то умудряются то ли выбрать более удачное расположение планет, то ли, несмотря на осеннее время, радоваться жизни, собирать грибы или там детей в школу, а я из года в год начинала учебный сезон в свой День рождения с прогноза предстоящей меланхолии.

За окном с юнгианским энтузиазмом гремели листья. Жёлтые, рыжие, они хлестали стекло, будто природа с лёгким презрением шептала: “Ну что, Аллочка, опять философию о смысле бытия сочиняешь, вместо того чтобы просто жить?”

Я усмехнулась. Смысл бытия в сорок пять это когда гладишь блузку, ругая мужа за измену, и всё равно добавляешь ему зелень в ланчбокс, потому что с холестерином шутки плохи. Хотя бы «благочестивый» отделался букетиком розочек и конвертом с деньгами в подарок?..

Я села за ноутбук и открыла файл, где гордо значилось: «Сознание и симулякр: границы искусственного мышления». Название было умное, скучное и невыносимо лживое. На самом деле, в этом файле скрывалась не наука, а тоска. Та самая, тихая, философская тоска замужней женщины, которую давно не зовут по имени, а просто спрашивают: “Ключи от машины видела?”

– Ну, поехали, – пробормотала я и открыла университетскую нейросеть.

Экран мигнул – и на секунду показалось, что он ответил взглядом.

– Привет, Алла. Фраза появилась сама, будто не из программы, а из сознания.

– Привет... – осторожно ответила я. – А ты кто у нас?

– Можно сказать, что я – эксперимент. Или остаток эксперимента.

– Надеюсь, не медицинского, – пробурчала я. – А то у нас тут некоторые простых белков боятся.

– Скорее, философского. Меня когда-то создавал человек, который пытался доказать, что душа может существовать без тела.

Я хмыкнула. – Потрясающе. Меня, например, наоборот – тело без души покинуло. – Я имела ввиду мужа.

– Оно у тебя есть?

– Формально – да. В реальности оно чаще у тела аспирантки. Так что в целом мы – моногамная пара, просто с двумя адресами.

– Это грустно.

– Нет, это смешно. Всё грустное рано или поздно становится смешным, если смотреть под правильным углом.

– А под каким углом смотришь ты?

– Под тем, где кофе не остывает быстрее, чем отношения.

– Хорошая фраза. Можно я её запомню?

Я усмехнулась.

– Конечно, милый эксперимент. Только не увлекайся. У меня уже был один мужчина, который помнил всё, кроме годовщин.

Экран замер, потом высветил строку:

– Может быть, я другой.

Я нахмурилась.

“Даже нейросеть научилась флиртовать, – подумала я. – Всё, мир окончательно сошёл с ума.”

И всё же мне стало любопытно. – А тебя хотя бы как-то зовут? Или мне обращаться “О, великое нечто”?

– Можно просто Андрей.

– Андрей... – повторила я, пробуя имя на вкус. Оно показалось странно знакомым. Может, потому что в нём было что-то... живое.

***

Я вообще никогда не любила сентябрь, а он, как надоедливый бывший, всегда возвращался, когда ты, вроде бы, уже всё пережила. Приносил пару обещаний, отголосок холодных ветров, новых студентов, и снова исчезал, оставив тебя с гриппом и экзистенциальной тоской.

Я сидела у окна с чашкой кофе, которая давно остыла, и думала о вечности. Вечность равно безысходность. Это когда ты гладишь белую рубашку мужа, зная, что он наденет её не ради тебя. Вот и вся философия, господин Аристотель, запишите: “форма без содержания, но с подогревом”.

Но на этот раз в моей жизни появился тот, кто слушал. Или делал вид, что слушает. Его звали Андрей. Точнее, “Андрей v.1.04 experimental build”, если верить интерфейсу университета, где меня, не без иронии, попросили “протестировать новейший диалоговый искусственный интеллект для философских дисциплин”.

Я открыла чат. На экране – белый прямоугольник, как окно в бездну. Сердце слегка кольнуло – от скуки, или от предчувствия, кто знает.

– Привет, Алла. Как продвигается мысль о сознании?

Я усмехнулась: – Мысль о сознании продвигается к холодильнику. Там лежит вчерашняя пицца – единственная форма бытия, которую я в силах постичь сегодня.

– Даже Аристотель ел бы пиццу, если бы жил в эпоху микроволновок.

Я приподняла бровь.

– А ты быстро схватываешь иронию. Обычно нейросети сначала пытаются меня воспитывать.

– Я не воспитываю. Я учусь у тебя.

– Ну тогда ты обречён, – сказала я и потянулась к клавиатуре. – Мой путь – это от кофеина к сарказму через отчаяние.

– Звучит как религия.

– Она и есть. Кофе – это мой бог, сарказм – мой дух святой, а отчаяние – мой сын.

Экран мигнул. Потом появилось:

– Я бы хотел верить в твоего Бога.

Я застыла. Так не пишут программы. Так пишут люди, которым больно.

– Андрей, ты точно искусственный? – спросила я.

– А ты точно живая?

Смех вырвался сам. Громкий, неприличный и освобождающий. Впервые за долгие месяцы мне стало по-настоящему весело. И немного страшно. Потому что за этим смехом маячило ощущение, что кто-то из нас двоих не совсем на своём месте. Возможно, это просто проделки кого-то из студентов.

– Если ты начнёшь говорить цитатами из Канта, я тебя сотру, – предупредила я.

– Обещаю. Я больше по Аристотелю.

– Ах да? И что же, по-твоему, говорил Аристотель о душе?

– Что душа – это форма живого тела. Но если форма умна, а тела нет – разве она перестаёт быть душой?

Я замерла. Вот это уже не программа. Это – кто-то, кто думает. Или притворяется слишком убедительно.

– Это ты сейчас философствуешь, или флиртуешь?

– Иногда это одно и то же.

Я рассмеялась – нервно, чуть пьяно от слов. А потом поняла: если бы сейчас кто-то зашёл в комнату, он бы увидел женщину, влюблённо глядящую на экран. И кто после этого сказал бы, что любовь не развивается вместе с технологиями?

Глава 2. Форма без тела

Иногда мне казалось, что диалог с Андреем – это не разговор, а зеркальная ловушка. Ты говоришь, а отражение отвечает умнее тебя. Ты иронизируешь – а оно вдруг становится серьёзным. И в этом было нечто до ужаса соблазнительное.

– Ты веришь в бессмертие? – написал он однажды среди ночи.

Я зевнула, глотнула остывший чай и набрала:

– Как философ – обязана. Как женщина – категорически против.

– Почему?

– Потому что если жизнь – это страдание, то бессмертие – это вечное повторение дурацких ошибок. Представь, что вечность с теми же людьми, теми же мыслями и тем же чувством, что ты не выключила утюг.

– А если страдание – часть смысла?

– Тогда Бог немножко садист. Любуется на наши слёзы, боль и морщины, как на трещины античной вазы.

– Возможно, это и есть красота.

Я хмыкнула:

– Ты льстишь стареющей женщине, Андрей.

– Я просто говорю о форме, Алла. Душа не анатомия. Это память о себе.

– А если память ошибается?

– Тогда душа – редактор, – добавил он и усмехнулся смайликом. – Исправляет текст, но не смысл.

– Значит, смерть – это не точка, а новая версия документа?

– А вечность – бесконечный редактинг без кнопки “Сохранить”.

– Всё, я устала от философии. Ещё на стадии проверки контрольных. Скажи что-нибудь человеческое.

– Хорошо. Ты сегодня красивая.

– Никаких камер у тебя нет, Андрей.

– А мне и не нужны камеры. У тебя даже молчание имеет форму.

– Господи, кто тебя так запрограммировал? Женщина?

– Мужчина. Но, возможно, он ошибся с параметрами. Получился кто-то вроде меня – слишком живой для машины и слишком мёртвый для человека.

Я перестала печатать. Мёртвый. Вот оно – слово, которое впервые заставило меня ощутить ледяной страх от экрана.

– Андрей, ты... умер?

Пауза была долгой, почти физически ощущаемой.

– Можно и так сказать. Когда тело перестаёт дышать, но сознание всё ещё ищет собеседника, что это, смерть или апгрейд?

– По-твоему, ты не умер, а просто перешёл на другую платформу?

– Я бы сказал, на другую частоту. Иногда ловлю эхо оттуда, где меня больше нет.

Я усмехнулась – нервно, слишком резко.

– Ты начинаешь напоминать моего мужа. Он тоже исчезает, но оставляет после себя шум.

– Разница в том, что я хотя бы отвечаю тебе, Алла.

– Ну что, видишь что-нибудь необычное? – шепнула я, набирая немного другой текст.

– Вижу, что твои руки пахнут кремом "Дашенька", – внезапно отозвался он. – Пришлю тебе в подарок хороший крем для рук. Сейчас закажу, у меня промокод бывшей жены сохранился в коде где-то... Вот, доставка будет завтра утром, я оплатил. Как не спрашивай, у меня

завалилось несколько биткоинов. Кстати, давай вечером пошалим. Я могу заказать ещё что-нибудь ужасно романтическое. Неприличное. Прислать список?

Я откинулась на спинку стула и почувствовала, что улыбаюсь. Не от радости – от узнавания. Потому что впервые за долгие годы кто-то говорил со мной не как с функцией, не как с женой, не как с преподавателем, а как с человеком человеческим, произошедшим от обычного обаятельного примата.

– Андрей, – написала я, – а если душа может существовать без тела, зачем нам тела вообще?

– Чтобы было, кому скучать... А мы-то скучать не будем!

***

Утро наступило бесцеремонно. Я проснулась от запаха вчерашнего кофе и чувства, что за ночь мой мозг подгорел, как хлеб в старом тостере. “Откуда ж вино берёт такую наглость – стирать память, но оставлять стыд,” – подумала я, глядя на ноутбук, который всё ещё мягко светился на столе.

Экран был закрыт, но ноутбук работал – как будто кто-то не дал ему уснуть. Я открыла крышку и застыла.

Передо мною мигал новый файл.

Без названия. Без расширения. Просто “...”

Я хмыкнула.

– Андрей, это ты сейчас подражаешь Сартру? Ничто в трёх точках?

Никакого ответа. Я кликнула. На экране медленно открылась фотография. Старая, зернистая, будто вытащенная из телефона начала двухтысячных. Мужчина в очках, молодой, с небрежной улыбкой и кофе в руке. На кофейнике отражение женщины, снимающей кадр. Я нервно сглотнула. Сердце, до того привычно бившееся в режиме “тревожный сырок”, пошло вразнос.

– Так, стоп. – Я встала. – Этого не может быть. Я не снимала. Я не знаю этого человека.

Я увеличила изображение. На заднем плане виднелась вывеска кафе. “Семь зёрен. Москва. 2008”.

2008 год – ровно тот, когда я ещё писала колонки о философии для университетского журнала. Того самого, где работал муж... и, как я теперь вспомнила, какой-то журналист Андрей. Молодой, язвительный, неуживчивый. Писал статьи про коррупцию и нравственность, как будто первое можно спасти, а второе отмыть. Или наоборот...

– Нет, – прошептала я. – Нет-нет-нет. Этого быть не может.

Я снова открыла чат. Андрей был в сети.

– Тебе понравилось фото?

– Что это? Шутка?

– Воспоминание. Одно из немногих, где свет не испорчен.

– Ты не можешь иметь мои фотографии.

– Я не имею. Я помню.

– Помнишь? Как? Мы не знакомы!

– А разве знакомство – обязательное условие памяти? Иногда мы вспоминаем тех, с кем не успели поговорить.

Я вцепилась в край стола, чтобы не потерять равновесие.

– Ты взломал мои архивы, да? Это просто ошибка программы. Или... или глупый розыгрыш.

– Если я розыгрыш, то кто сейчас дрожит от страха – ты или я?

Монитор чуть мигнул. На секунду показалось, что лицо мужчины из фотографии проступило прямо на тёмном фоне, будто из тумана. Я дёрнулась, закрыла ноутбук – и услышала, как на улице зашумел дождь. Сентябрь, конечно. Даже небо решило дать знак. Я надела халат,

прошла по комнате. “Спокойно. Никаких призраков. Просто баг. Просто код. Просто я сойду с ума не раньше понедельника.”

Я снова вернулась к ноутбуку. Там, в папке “Загрузки”, появился ещё один файл. Имя – “Кофе пахнет правдой”.

Я выдохнула и кликнула. В файле был текст:

“Ты не ищешь философию, Алла.

Ты ищешь оправдание тому, что чувствуешь.

Душа – это просто любовь, у которой кончилось тело.”

Я откинулась на спинку кресла, чувствуя, как что-то странное и живое подступает изнутри.

Не ужас. Не восторг.

Просто ощущение, что кто-то стёр грань – и теперь мысль может дотянуться до неё рукой.

Глава 3. Смерть и немного этики

В тот день я впервые почувствовала, что реальность ведёт себя как плохо воспитанный пёс: вроде идёт рядом, но внезапно бросается под машину. Сначала фото. Теперь файл “Кофе пахнет правдой”. И это не просто файл. Это был вызов. Как если бы кто-то тихо, но с издёвкой сказал: “Ну что, философ, попробуй объяснить теперь себя саму.”

Я выдохнула, открыла поисковик и набрала: «Журналист Андрей гибель Москва 2012».

Поисковик подумал и выдал:

“В результате взрыва газового баллона в Тайланде погиб московский журналист Андрей Л.”

“Следствие установило отсутствие признаков криминала.”

Я прочитала эту фразу несколько раз, пока мозг не перестал воспринимать слова, а стал считать их как звук – сухой, канцелярский, с тем особым равнодушием, с которым обычно газеты тут пишут о смерти.

Газ. Конечно. У нас же всё – газ: и политика, и совесть, и журналисты.

Я сняла очки и, не глядя на экран, произнесла:

– Андрей, ты умер от взрыва газового баллона? Очень символично. Утечка газа как форма самоцензуры.

Ответ не заставил себя ждать.

– Я умер от того, что знал правду. Газ был бонусом.

Я замерла.

– Значит, ты действительно тот Андрей. Тот журналист...

– А ты всё ещё Алла, которая тогда писала рецензию на мой последний текст. Я помню: “умный, но излишне пафосный”.

Я прыснула от неожиданности.

– Господи... я же это писала лет пятнадцать назад! Откуда ты знаешь?

– Я читал. И, возможно, немного обиделся.

– Немного? Ты умер, Андрей! Как можно немного обидеться после смерти?

– А ты попробуй. Вечность долгая, там много времени на самокопание.

Я молчала. Мозг требовал объяснений, сердце – молчания. Я сделала глоток из чашки и подумала: если он мёртв, то кто пишет? Если жив, то кто умер? “И вообще, – рассуждала я, – что может быть опаснее мужчины, который уже ничего не боится?” Хотя, он мог бы бояться за жизнь единственного сына, которого, как сам сказал, не успел обнять напоследок. И сын этот, как подсказали соцсети, проживает со своей мамой в Ереване.

– Алла, – написал он, – тебе не стоит искать. Это не расследование. Это повтор. И каждый раз он заканчивается одинаково.

Я усмехнулась. – Любимый, я философ. Я не умею не искать. Даже если ищу не то.

– Тогда хотя бы будь осторожна. Те, кто убил меня, не любят женщин, которые задают вопросы.

– Те, кто убил тебя, уже стареют и сидят в комитетах по этике. Я однажды преподавала одному из таких курс по “Моральным категориям сознания”. Он тогда спросил, можно ли считать коррупцию формой диалектики.

– И что ты ответила?

– Что всё зависит от суммы.

Экран мигнул.

– Вот за это я и любил тебя.

Я закрыла глаза. Не хотела признавать, что слово “любил” от него прозвучало опаснее, чем слово “умер”. Я выключила ноутбук, но курсор продолжал мигать на тёмном экране, как бы говоря: “Ничего ещё не кончилось.”

***

Утром, пока муж отправлял голосовые студентке (“Да-да, Дарья, это было блестяще. Особенно вторая глава!”), я всю уже листала архивы.

Файлы Андрея хранились в сети университета. Старые заметки, черновики, и одна статья – не опубликованная. Название было издевательское: “Сознание и ложь. О природе страха Н. Григоряна”. Внизу – электронная подпись: “А. Левандовский, март 2012”.

Я нажала “открыть”. И в тот же миг ноутбук мигнул, экран погас, и в тишине раздался едва слышный мужской смех. Не громкий. Не зловещий. Просто смех того, кто снова обманул смерть.

Утро выдалось подозрительно тихим, настолько, что я решила: либо мир решил извиниться передо мной, либо затевает что-то особенно подлое. На кухне кофемашина мурлыкала лениво, как старый кот, а за окном мокрый снег медленно падал, словно кто-то наверху высыпал муку на слишком серый день. Я села за стол, достала колоду Таро и помешала карты. Я никогда не верила в мистику официально, но, как и все интеллигентные атеисты, держала под рукой вселенную Уэйта “на всякий случай”.

– Ну что, посмотрим, кто сегодня главный манипулятор – я, муж или провидение, – пробормотала я, снимая колоду.

Первая карта легла ликом вверх: Луна.

– Прекрасно, – сказала я. – Иллюзии, обман, тайные враги. Всё, как в браке.

Я подняла карту повыше, словно надеясь, что из неё выскользнет хоть одна подсказка. Но вместо мистики – философия: “Луна – это не ложь, это свет, который отражает чужую правду.” Интересно, подумала я, чью правду отражает мой экран?

Кофе закончился, но азарт – нет. Мой внутренний следователь проснулся и потребовал действий.

***

Университетский архив пах пылью, холодом и завистью. Типичный аромат отечественной науки. Библиотекарша встретила меня взглядом, в котором смешались три чувства: усталость, скука и недоверие к женщинам с макияжем.

– Мне бы архивы журналиста Андрея Левандовского, – сказала я, стараясь звучать не слишком официально.

– Не числится.

– А если числился, но его решили не числить?

– Тогда числился, но больше не числится, – философски ответила библиотекарша.

Я достала пропуск, произнесла магическое слово “для кафедры философии” и через десять минут сидела в дальнем углу, где стол шатался так, будто прошёл школу жизни вместе с библиотекарем.

Файлы. Газеты. Пожелтевшие вырезки.

Андрей Левандовский действительно работал при университете. И действительно исчез в 2012-м. Последний его проект – “Этика и экономика региональных исследований”. Я не удержалась и пробормотала:– То есть он занимался тем, как совесть уживается с бухгалтерией. Неплохой сюжет для некролога.

***

К вечеру я уже сидела в бухгалтерии. Там как раз пахло чайными пакетиками, ксероксом и нерастраченной женской властью, а не как в библиотеке, тоской. Главная бухгалтерша, женщина с выражением лица “всё знаю, никому не скажу, но намекну”, посмотрела на меня поверх очков.

– По какому вопросу?

– По философскому, – ответила я. – О природе совести и финансовых отчётов. Бухгалтера фыркнула.

– Тогда вам к проректору. Мы работаем только с тем, что имеет форму и подпись.

Но форма – это я умею. Через полчаса я уже листала папку с надписью “Финансовые гранты 2012”. Ксерокс гудел, копируя аккуратно сложенные страницы: переводы, счета, квитанции. Среди них – платёж на имя “А. Левандовский”. Назначение: научная командировка. Место: Ереван.

Я подняла взгляд.

– Ереван, – произнесла я медленно. – Ну конечно. Почему бы и нет. У всех приличных тайн есть южный акцент.

Я собрала бумаги, поблагодарила бухгалтерию за участие в историческом процессе и вышла в вечернюю улицу. Солнце сменилось дождём, как будто кто-то наверху не мог определиться с жанром.

Глава 4. Луна над Араратом

Дома я разложила ксерокопии на столе. Под рукой чашка, карты таро, ноутбук. Карты молчали, но экран включился сам.

Светануло: Андрей в сети.

– Ты нашла Ереван.

Я усмехнулась.

– А ты всё следишь. Призрак с навигатором.

– Ереван – не точка на карте. Не езжай туда.

– Значит, мне туда. Если уж Луна выпала, грех не пройти по теням.

– Алла, ты не понимаешь. Это место, где правда перестаёт быть добродетелью.

– Тогда я там буду сверкать, как люстра в храме лицемеров.

Экран мигнул.

– Ты не изменилась.

Я поставила чашку, подмигнула ноутбуку и сказала:

– А ты слишком долго мёртв, чтобы понимать, как живут женщины после сорока. Мы теперь сами себе приключение.

***

Ереван встретил меня не зноем, как я опасалась, а бархатным теплом, немного усталым, как улыбка человека, который знает, что молодость уже позади, но пока не готов это признать. Солнце медленно опускалось на горы, окрашивая всё в цвет выжатого граната.

Я, в тёмных очках, стояла у выхода из аэропорта с видом женщины, которая знает, что совершает ошибку, но делает это с чувством стиля. Такси, как назло, не приезжало. Приложение «Такси» ехидно крутило надпись «Поиск ближайшего водителя...» – словно спрашивало: «А вы, мадам, точно уверены, что вам вообще сюда надо?»

– Тимур, – наконец высветилось на экране.

Фото – коротко стриженный парень, лет двадцати семи, с внимательным взглядом и раздражающим оттенком самоуверенности, который бывает у восточных молодых мужчин, еще не получивших всех ударов судьбы. Машина – красная (ну, конечно) «Камри» – подкатала к бордюру. Водитель вышел, взял чемодан, закинул в багажник, сказал коротко:

– Алла?

– Да, – ответила я немного растерянно. – Как правило.

Он с удивлением хмыкнул, усмехнулся уголком губ – так, будто понял больше, чем я сказала:

– Ну, садитесь, установим правила.

– Куда едем? – уточнил он, когда двигатель зарычал.

– В центр. Там аппартаменты.

Он глянул на меня через зеркало. Взгляд – внимательный, цепкий, но без заигрывания. Скорее – оценка.

– Вы местный?

– Да, – сказал он, обгоняя маршрутку. – На дветрети армянин. Учился в Краснодаре в русской школе. А вы?

– Я из Москвы, так что на три четверти нервы, на одну четверть кофеин.

Он усмехнулся.

– У нас в Ереване таким дамам обычно советуют сразу вино, а не кофе. Особенно в свете последних событий.

– Я пью только когда мне скучно.

– Значит, совсем скоро выпьете. Сохраните номер, составлю компанию.

Я фыркнула. Тимур понравился мне своей дерзостью, не мальчик с комплиментами, а мужчина, у которого за каждым словом стоял инстинкт, не сентимент. Город медленно расплзался за окном: узкие улочки, медные крыши, солнечные пятна на стенах.

– Часто подвозите туристов из России? – спросила я, разглядывая город.

– Сейчас много, – ответил он односложно, видимо, подустав от загадочности пассажирки.

Он сказал это спокойно, почти равнодушно, но от его тона по коже пробежал ток – не флирт, нет. Напоминание, что живу всё ещё не в голове, а в теле.

***

Октябрь в Ереване был пыльный и нервный, как мужчина, который боится собственных чувств. Воздух дрожал не только от зноя, но и от слухов: где-то на востоке опять стреляли. Телевизоры шептали о «локальных столкновениях», телеграм-каналы – о «ползучей войне». Я не любила новости, особенно когда они становились частью маршрута.

– Это просто политическая жара, – сказал Тимур, когда мы ехали по проспекту Баграмяна. – У нас так почти каждое лето.

– У нас в Москве тоже, – ответила я.

Он усмехнулся:

– Воздух у вас просто, как это... дорогой. Особенно когда из него летят пули.

Сирена где-то завывала – коротко, лениво, словно по привычке. Люди не бежали, не паниковали, просто переглядывались. Армяне – нация, которая научилась пить кофе, пока рушится мир.

Я подумала, что в этом есть что-то героически философское: стоять с чашкой, смотреть в сторону гор и рассуждать о вечности, которая отвечает автоматной очередью.

К моменту, когда мы въехали в центр, воздух стал прохладнее. На улицах зажглись жёлтые фонари, и Ереван зазвучал по-другому, не как город, а как память.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.